

К АНАЛИЗУ И МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ/ СТАБИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ*

Владимир Олегович Кокликов

Московский государственный лингвистический университет;
Российский государственный гуманитарный университет

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Сергей Юрьевич Малков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт экономики РАН

Никита Александрович Филин

Российский государственный гуманитарный университет

Александр Сергеевич Ходунов

Российский государственный гуманитарный университет

В данной статье рассматриваются особенности политической системы современного Ирана и риски ее дестабилизации. В Иране существует уникальный политический режим, основанный на чрезвычайно сильной власти консервативного шиитского духовенства и подконтрольных ему силовых структур. Поэтому, по сравнению с западными государствами, множество общественно-политических свобод в стране отсутствует или серьезно ограничено. Несмотря на растущее недовольство режимом, он демонстрирует весьма высокую стабильность, что связано с его высокой религиозной легитимностью, а также выдающимися успехами в социально-демографической сфере. В стране существу-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ет соперничество между консервативными и реформаторски настроенными элитами, представители которых постоянно сменяют друг друга на президентских и парламентских выборах, что говорит о значительной политической конкуренции в стране.

В предыдущей статье «К моделированию процессов социально-политической дестабилизации в Арабской Республике Египет (2010–2019 гг.)» (Коротаев, Малков, Мещерина 2019) была рассмотрена динамика политической ситуации в Египте во время и после Арабской весны 2011 г. Анализируемый период охватывал всего несколько лет, поэтому рассматриваемые процессы существенным образом зависели от краткосрочных и среднесрочных факторов (например, от изменения политической активности различных социальных групп, что выражалось, в частности, в резких колебаниях общего числа избирателей, принимавших участие в голосованиях на выборах и референдумах этого времени), но не зависели от долгосрочных факторов (связанных, например, с демографической сменой поколений). С точки зрения анализа долговременных процессов интересный материал дает изучение политической динамики в Иране со времени революции 1979 г. (то есть уже в течение 40 лет). Случай Ирана интересен тем, что там регулярно на протяжении всего этого периода проводятся парламентские и президентские выборы, характеризующиеся высокой явкой¹, что позволяет достаточно достоверно диагностировать политические предпочтения населения. При этом, однако, политическая жизнь в послереволюционном Иране обладает определенной спецификой, которую надо иметь в виду и о которой речь будет идти ниже.

Особенности иранской политической системы

Иран резко выделяется на фоне подавляющего большинства стран мира своей необычной политической системой, которая представляет собой теократию, где полновластно правит высшее духовенство (нечто подобное наблюдается только в Брунее, Ватикане и Са-

¹ Это существенным образом отличается от рассмотренной выше в статье «К моделированию процессов социально-политической дестабилизации в Арабской Республике Египет (2010–2019 гг.)» (Коротаев, Малков, Мещерина 2019) ситуации, когда явка избирателей во время выборов весьма низкая и поэтому политические предпочтения всего населения приходится реконструировать косвенным образом (см. также: Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2015).

удовской Аравии). Определяющую роль в ее создании и формировании сыграл аятолла Рухолла Хомейни, управлявший страной в 1979–1989 гг. и считавший неприемлемым какое-либо разделение политики и религии. Наиболее компетентными в управлении государством он считал вовсе не технократов, а тех, кто лучше всего разбирается в религиозных вопросах, – духовенство (см., например: Алиев 2002). Именно по этой причине при нем были запрещены все партии, выступающие за светское государство. Хомейни создал своеобразный политический режим, важнейшей особенностью которого стал полный контроль над политической, экономической и культурной жизнью со стороны высшего духовенства.

Духовный лидер страны (*рахбар*, наиболее авторитетный богослов) выбирается Советом экспертов («высший форум» духовенства, члены которого избираются раз в 8 лет). Совет следит за соблюдением Лидером исламских норм. Другим важным органом, контролирующим соблюдение исламских правил, является Наблюдательный Совет, который следит за деятельностью Меджлиса (парламента). Он состоит из 6 «справедливых и сведущих в делах страны» богословов, которые назначаются *рахбаром*, и 6 юристов, которых представляет Меджлису глава судебной власти Ирана для их утверждения. Реально Наблюдательный Совет представляет собой как бы верхнюю палату парламента, однако он может накладывать вето на решения нижестоящего органа власти, если решит, что оно противоречит исламу или Конституции (Филин 2012: 84). Такие его широкие полномочия обосновываются тем, что законодательная власть исходит только от Бога, и люди не могут принимать законы, противоречащее божественному учению, даже если большинство людей поддерживают такие законы. У власти в государстве, как считают идеологи исламского режима, должна стоять истина, а не большинство (Tomita 2007). Наблюдательный Совет также контролирует выборы всех уровней, и в соответствии с законом о выборах имеет право дисквалифицировать любого кандидата, который с его точки зрения не удовлетворяет принципам ислама. Отсев кандидатов производят только 6 богословов (Филин 2012: 85). Хомейни писал, что Наблюдательный совет должен отсеивать недостаточно благочестивых и преданных исламу кандидатов на парламентских и президентских выборах и обеспечивать

представительство в выборных органах только самых достойных мусульман (Хомейни 1999).

Для преодоления разногласий, возникающих между Наблюдательным Советом и парламентом, была создана Ассамблея по государственной целесообразности принимаемых решений. Ее основная задача заключается в принятии окончательного решения в случае, если постановление парламента, по мнению членов Наблюдательного совета, противоречит Конституции или шариату, а парламент продолжит отстаивать это свое постановление, ссылаясь на государственную целесообразность. Духовный лидер назначает членов Ассамблеи. Что касается Меджлиса, то он признан главным законодательным органом и состоит из 290 депутатов. Президент Ирана имеет право стать лишь мусульманин джафаритского толка². Его полномочия заметно меньше, чем у *рахбара*, и он находится под контролем Меджлиса и Верховного Суда, которые могут отрешить его от должности, если на это согласится духовный лидер (Филин 2012: 85–86).

В Иране очень сильно ограничена свобода печати: закон о печати запретил публикацию материалов, направленных против существующего режима и прежде всего личности *рахбара*. «Необоснованная» критика против других органов власти также преследуется (Там же). Радикальное ограничение свободы печати лишает прессу возможности влиять на общество.

В стране также существует официальный запрет на создание партий, не поддерживающих существующий исламский режим, где религия полностью соединена с государством (принцип *веляят-э факих* – правление наиболее авторитетного богослова). Поэтому, например, социалисты, коммунисты, монархисты и прозападные либералы даже теоретически не могут прийти к власти, так как лишены права создавать свои партии. Среди иранского населения, особенно молодежи, у этих движений есть заметное число сторонников, но у них отсутствуют сильные лидеры, а некоторые их известные сторонники находятся в тюрьме. В тюрьме сидят и некоторые активные сторонники реформаторов за слишком оппозиционную деятельность (Machlis 2016).

² Джафаризм (джафаритский мазхаб) – самое распространенное правовое течение в шиизме, которому следуют шииты-иснашариты (двунадесятники) – последователи шестого шиитского имама Джафара ибн Мухаммада ас-Садика.

Особенностью современного Ирана является незрелость политической системы, в которой партии имеют неустойчивые и легко меняющиеся идеологические ориентиры. Поэтому партии легко создаются и распадаются, а их лидеры, оказавшись отлученными от власти, отказываются и от прежних политических представлений. Большинство партий в Иране не имеет четкой структуры и фиксированного членства и проявляют активность только во время выборов. Однако имеется несколько коалиций, которые серьезно влияют на обстановку в стране. Это «левая коалиция (реформаторы)», «правая коалиция (радикальные и умеренные консерваторы)», «центр» (Филин 2012: 108).

Итак, иранская политическая система по сравнению с западными демократиями имеет множество серьезных ограничений, начиная от отсутствия свободы прессы и до запрета на создание политических партий, исповедующих светские взгляды. Вместе с тем, она демонстрирует весьма высокую живучесть, несмотря на серьезное внешнее давление и внутренние противоречия. Это может быть связано с постоянной апелляцией режима к религии, что в условиях высокой религиозности населения помогает ему сохранить контроль над страной.

Краткая политическая история Ирана после 1979 г.

11 февраля 1979 г. в Иране произошла Исламская революция, в результате которой был свергнут режим шаха Мохаммеда-Реза Пехлеви (1941–1979 гг.). В первые годы после революции наблюдалась серьезная политическая нестабильность, связанная с деятельностью леворадикальной группировки ОМИН, первоначально боровшейся против шаха вместе с духовенством, но затем перешедшей в непримиримую оппозицию к новому режиму. Ее члены регулярно устраивали перестрелки, поджоги и взрывы в крупных городах, убивая не только представителей элиты (включая президента Раджаи, премьер-министра М.-Дж. Бахонара и 6 членов правительства, погибших при взрыве в августе 1981 г.), но и обычных иранцев, а также священнослужителей, а в войне с Ираком оказывали всяческую поддержку войскам Саддама Хусейна против своей страны. Общее число ее жертв составило несколько тыс. человек, а

власти в ответ казнили более 10 тыс. ее членов и других борцов против режима (Агаев 1987).

В течение нескольких лет после прихода к власти высшее духовенство устранило с политической арены все силы, чьи взгляды противоречили новой официальной идеологии, запретив любую оппозицию режиму на законодательном уровне, устранило генералов шахской армии и конфисковало имущество у капиталистов, поддерживавших прежний режим. Таким образом, новая элита, опираясь на высокий уровень доверия населения, полностью убрала любую угрозу своей власти, включая недавних союзников, сделав невозможным появление легальной радикальной оппозиции даже в долгосрочной перспективе. Стабилизации режима способствовала и ирано-иракская война, когда наиболее активная часть молодежи из крупных городских центров отправилась на фронт и тем самым перестала представлять угрозу режиму. Фактически, сколько-нибудь значительная «контрэлита» перестала существовать. В целом в 1980-е гг. жизнь простых людей была очень сложной и их благосостояние в среднем значительно ухудшилось по сравнению с 1970-ми гг. (ВВП на душу населения по некоторым данным сократился к концу 1980-х гг. в 3–4 раза), но у них было доверие к правительству. В ситуации внешней агрессии люди сплотились вокруг него и ожидали окончания войны, списывая тяготы жизни на военное время, поэтому уровень недовольства был весьма низок. Кроме того, из-за конфискации имущества у шахской экономической элиты, фиксирования цен и введения ряда льгот для бедных неравенство доходов стало весьма небольшим (Ульченко, Мамедова 2006).

В начале 1990-х гг. вера во власть и в официальную идеологию среди населения стала ослабевать. В это время правительство Хашеми-Рафсанджани провело радикальные капиталистические реформы, что привело к резкому расслоению общества на богатых и бедных, всплеску инфляции и массовому недовольству. Поскольку демократические свободы тогда были слабо развиты, население было вынуждено выражать недовольство радикальным способом, и страну в 1992 г. захлестнули массовые протесты. После избрания президентом Мохаммада Хатами в 1997 г. в стране началась определенная политическая либерализация, свобода прессы значительно выросла и люди получили возможность открыто высказывать

свое недовольство в печати, в связи с чем политическое напряжение снизилось. Однако в конечном счете Хатами не смог удовлетворить чаяния молодежи, которая в большинстве его поддержала, и поэтому он потерял популярность (Филин 2012).

В июле 1999 г. в ответ на закрытие популярной реформаторской газеты «Салам» в Тегеране произошли массовые выступления студентов. Полицейские и члены группировки Ансар-Аллах (радикальные сторонники режима) быстро подавили протесты, избив некоторое количество протестующих, а около 500 были арестованы. Студенты надеялись на поддержку «реформаторов», но те не стали поддерживать их, чтобы не создавать угрозу режиму (Arjomand 2000).

В 1999–2001 гг. в стране наблюдалось наиболее активное противостояние «реформаторов» и «консерваторов». При этом происходило массовое закрытие реформаторских газет, аресты и даже убийства членов реформаторского лагеря наиболее радикальными консерваторами. В конечном итоге «реформаторам» так и не удалось изменить политическую систему (они планировали ограничить полномочия духовного лидера и значительно урезать компетенцию Наблюдательного совета), и они потерпели сокрушительное поражение на парламентских выборах 2004 г., когда победителями стали радикальные консерваторы, и президентских – 2005 г., когда президентом стал также радикальный консерватор Махмуд Ахмадинежад. Огромную роль в поражении «реформаторов» сыграло и то обстоятельство, что Наблюдательный совет отсеивал подавляющее большинство их кандидатов. Кроме того, их правление пришлось на время очень низких цен на нефть, когда недостаток средств не позволил им реализовать свои обещания. Вообще, к «реформаторам» со стороны высших властей всегда наблюдалось настороженное, а иногда и враждебное отношение, поскольку они подозревались в недостаточном соблюдении заповедей ислама. Наиболее непримиримые консерваторы хотели даже физически устранить президента Хатами (Филин 2012). Учитывая такой накал противоречий, имеет смысл назвать «реформаторов» «контрэлитой», но с определенными оговорками, поскольку они действовали в целом в рамках, очерченных исламским режимом, не ставя под сомнение саму власть духовного лидера и сам режим, основанный на соединении религии с политикой, а выступали только за его су-

ществленные корректировки, но не за радикальное изменение и тем более не за его устранение.

Что касается национальных окраин, нестабильность всегда сохранялась в Иранском Курдистане (наиболее интенсивные военные действия там были в начале 1980-х гг.) и некоторых районах провинции Систан и Белуджистан (Ходунов 2015).

По словам некоторых иранских экспертов, в массовом сознании иранцев революция не представляется подходящим способом для изменения ситуации, а большинство людей хочет постепенных изменений в рамках существующего режима (Филин 2012).

В 2009 г. в Иране произошли крупнейшие после 1979 г. массовые выступления за демократизацию политического режима («Зеленое движение»). Надо сказать, что иранская молодежь, выбрав Хатами, надеялась на серьезные перемены к лучшему и либерализацию. Но многих своих обещаний Хатами исполнить не сумел, и в результате он потерял поддержку молодежи, которая стала на некоторое время политически пассивной. Значительная часть и более взрослого населения также после неоправдавшихся надежд на Хатами утратили доверие к власти и исламскому режиму в целом. В июне 2009 г. представители этих групп населения Ирана начали протест против официальных результатов президентских выборов, которые они считали грубо сфальсифицированными: по их данным, победил не Ахмадинежад, а реформатор Мир-Хосейн Мусави. Число участников протестов в некоторые дни достигало 1 млн человек, но протесты были быстро подавлены властями и завершились, ничего не изменив. Множество активных участников Зеленого движения было брошено в тюрьмы, а три кандидата в президенты, обвинившие режим в фальсификациях, помещены под домашний арест. После этого реформаторское движение на многие годы сошло на нет (Филин 2014). Таким образом, «контрэлита» в попытке взять власть потерпела сокрушительное поражение.

В конце 2017 – начале 2018 гг. страну снова охватили массовые протесты, направленные против фактически неограниченной власти лидера страны (Иванов 2017). Они произошли уже при новом президенте, Хасане Роухани, избранном в 2013 г. – стороннике прагматического и реформаторского курса (Мамедова 2018). Роухани, сам инкорпорированный в среду высшего духовенства, выражает интересы нового среднего класса, интеллигенции, моло-

дежи и выступает за более активное участие населения в общественно-политической жизни, за равноправие женщин, в том числе назначение их министрами, освобождение культурной сферы от излишнего контроля со стороны религиозных структур. Но сильное давление наиболее радикальных консерваторов ощущает и он, вплоть до того, что эти силы пошли на арест его брата (Логинов 2017). Важным положительным изменением при Роухани стал состав членов его правительства, в котором стали преобладать ученые – 43 % министров по сравнению с 16% в среднем в 1989–2013 гг. Особо высокая доля ученых в правительстве может способствовать принятию более рациональных и продуманных решений (Васькин 2019).

Итак, в настоящее время исполнительную власть осуществляют умеренные силы, которые стремятся проводить необходимые для страны реформы. Парламент, где существует примерное равенство между консерваторами и реформаторами, помогает правительству в его начинаниях. Тем не менее, судебная и законодательная власть, а также КСИР, находятся в руках весьма консервативных сил, которые тормозят попытки серьезной либерализации режима со стороны исполнительной власти (Дунаева 2017). Благодаря устройству иранской власти, в которой обеспечено абсолютное доминирование консервативного духовенства, эта консервативная элита успешно блокирует более либеральную «контрэлиту» в ее стремлении к серьезным и существенным реформам.

Учитывая, что и во внешней политике страна сталкивается со сложностями, так как США со временем только усиливают давление на Иран, и высокопоставленные чиновники двух стран обмениваются угрозами, ясно, что у Хасана Роухани, скорее всего, не получится улучшить политическое и экономическое положение страны (Саркисян 2019).

Несмотря на отсутствие каких-либо серьезных изменений в общественно-политической сфере, где так и остались многочисленные ограничения, в иранской экономике и особенно демографии за четыре десятилетия существования исламского режима удалось добиться весьма значительного прогресса. Так, в экономике все большее развитие получает нефтегазовый сектор и все более укрепляется частная собственность (например, частные капиталовложения в 2008/09 гг. в 2 раза превысили государственные), а бедные

пользуются системой разнообразных льгот (см.: Мамедова 2013). Отрыв в продолжительности жизни от развитых стран Запада в течение этого периода последовательно сокращался (с 16 лет в 1975–1979 гг. до 3 лет в 2010–2015 гг.), процент городского населения быстро рос, достигнув 74 %, неграмотность в возрасте до 50 лет почти исчезла, а обеспеченность электричеством, чистой питьевой водой и основной бытовой техникой стала практически всеобщей. В настоящее время Иран по этим показателям значительно ближе к развитым государствам, чем к развивающимся, в то время как в конце правления последнего шаха Иран отставал даже от среднего показателя развивающихся стран.

Особенности парламентских и президентских выборов в Иране

В 1980 г. состоялись относительно свободные выборы президента, на которых был избран Абольхасан Банисадр (76 % голосов), но он быстро вошел в конфликт с режимом и был смещен с должности. После этого с 1981 до 1993 гг. выборы президента были безальтернативными, был заранее известен кандидат-фаворит, который получал подавляющее большинство голосов. Так, в августе 1981 г. консерватор Мохаммад-Али Раджаи получил 90 % голосов избирателей, а после его убийства и новых выборов в октябре того же года консерватор Али Хаменеи, будущий духовный лидер страны, получил даже 95 %. После смерти Хомейни, в августе 1989 г., прагматик-центрист Али Акбар Хашеми-Рафсанджани набрал 94 % голосов (Iran Data Portal 2019b). Только с 1993 г. выборы становятся альтернативными.

Появление конкуренции на выборах сопровождалось и серьезными увеличениями полномочий президента. До 1989 г. президент обладал крайне небольшими полномочиями и фактически был декоративной фигурой. С 1989 г. президент получил возможность назначать министров, которые утверждаются парламентом, а также контролировать Организацию планирования и бюджета, определявшую экономическую политику (вместе с тем, основная доля власти остается все же в руках духовного лидера страны). В 1993 г. Рафсанджани был переизбран на второй срок, но набрал уже только 64 % голосов. В 1997 г. на выборах уверенно победил реформатор Мохаммад Хатами, набрав 70 % голосов, что отражает

стремление иранцев к переменам. Особенно активно за него голосовали женщины, студенты и регионы, где проживают национальные меньшинства: 83,7 % в провинции Бушир, 82,7 % в Хузестане, 77,4 % в Систане и Белуджистане (Buchta 2000). В 2001 г. Хатами был переизбран, еще улучшив свой результат до 77 %, а в 2005 г. президентом стал радикальный консерватор Махмуд Ахмадинежад, набравший 62 % голосов во втором туре. Его поддержали военные, духовенство, сельские жители, городская беднота, а также антиамерикански настроенные иранцы, так как на границах Ирана – в Афганистане и Ираке – к тому времени появились американские войска. В 2009 г. на выборах снова победил Ахмадинежад (63 % голосов), однако по мнению всех трех оппозиционных кандидатов выборы были сфальсифицированы. В 2013 г. победил реформатор Хасан Роухани, набрав 51 %, он повторил успех и в 2017 г., получив 57 % (Iran Data Portal 2019b). За реформаторов в последнее время голосуют и те иранцы, которые выступают вообще против исламского режима, надеясь хотя бы на некоторые послабления и реформы после победы наиболее «либерального» кандидата³.

Предпочтения избирателей на парламентских выборах в основном совпадали с президентскими. Так, в 2000 г. победила коалиция реформаторов во время нахождения у власти президента-реформатора. То же самое произошло и в 2016 г. В то же время, в 2004 и 2008 гг. на выборах победили радикальные консерваторы, а в 2005 и 2009 гг. радикальный консерватор был избран в качестве президента.

Статистические данные о результатах президентских и парламентских выборов в Иране в период с 1980 г. приведены в Приложении.

³ Существуют данные, полученные организацией World Public Opinion в ходе телефонного опроса 1003 иранцев в сентябре 2009 г., которые позволяют приблизительно оценить процент оппозиции. Так, 47 % опрошенных составили люди, в высокой степени доверяющие политическому режиму, 13% ему определенно не доверяли, а 40 % занимали промежуточную позицию. 62 % опрошенных заявили, что Конституция дает духовному лидеру тот объем полномочий, который он должен иметь, а 6 % – недостаточный объем полномочий. С утверждением «представители духовенства должны отвергать законы, не соответствующие Корану» согласилось 63 % всех иранцев (Richman 2010).

Анализ и моделирование результатов выборов в Иране

1. Данные об итогах президентских и парламентских выборов, приведенные выше в тексте и ниже в Приложении, отражают динамику политической борьбы между «консерваторами» и «реформаторами» в правящей элите Ирана. Анализ этих данных показывает, что никогда не ходит на выборы 15–20 % иранцев⁴ (часть из них относится к непримиримой оппозиции, а часть – абсолютно политически пассивна). У тех, кто ходит на выборы, соотношение между теми, кто поддерживает «консерваторов», и теми, кто поддерживает «реформаторов», изменяется. Поддержка «консерваторов» может достигать максимально 57 % от всех имеющих право голоса (голосование за Ахмадинежада в 2009 г.), а «реформаторов» – 62 % (голосование за Хатами в 2001 г.). При этом «ядро» убежденных консервативных и реформаторских избирателей – минимальный процент проголосовавших за эти течения от всех, имеющих право голоса, – примерно одинаково и составляет около 17 % для каждого из этих течений (этот процент отмечен, соответственно, на парламентских выборах 2000 и 2004 гг.). К этому «ядру», не меняющему своих убеждений, в годы с наивысшей избирательной активностью присоединяются до 40 % иранцев, имеющих право голоса и усиливающих позиции то «консерваторов», то «реформаторов». Это говорит о чрезвычайно большой «вариативной» доле избирателей, что делает результаты выборов непредсказуемыми.

Характерно то, что начиная с 1980-х гг. мы видим четко выраженную циклическую динамику изменения предпочтений иранских избирателей, в результате которой «консерваторы» и «реформаторы» периодически сменяют друг друга. При этом, смена курса порой происходит не плавно, а достаточно резко (см. Рис. 1).

⁴ Это существенно ниже, чем в Египте, что указывает на высокую электоральную активность населения Ирана.

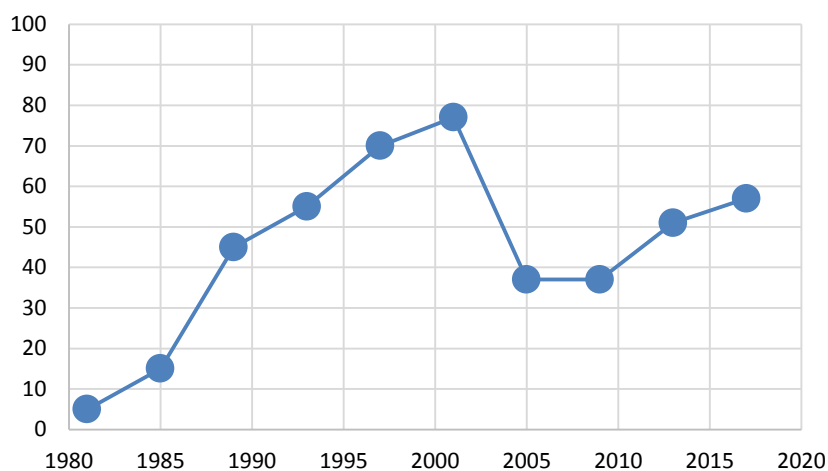

Рис. 1. Динамика предпочтений иранских избирателей по результатам президентских выборов (круглые маркеры). По оси абсцисс – годы, по оси ординат – доля сторонников «реформаторов» среди проголосовавших избирателей

В 2004 г. коалицию реформаторов сменило объединение радикальных консерваторов, а в следующем году одного из наиболее ярких реформаторов М. Хатами сменил радикальный консерватор М. Ахмадинежад. Явка на выборах в большинстве случаев весьма высока (в отличие, например, от Египта при Х. Мубараке), достигая иногда 80 % при выборах президента. Это означает, что заметная часть избирателей меняет свои взгляды от выборов к выборам. На такую перемену симпатий избирателей могут влиять, как внутривнутриполитические факторы (степень успешности реформ и выполнений предвыборных обещаний), так и внешнеполитические обстоятельства (например, появление мощных группировок американских войск по соседству с Ираном в начале 2000-х гг.). В соответствии с этим когнитивная схема, отражающая взаимодействие социально-политических акторов в Иране, имеет следующий вид (см. Рис. 2).

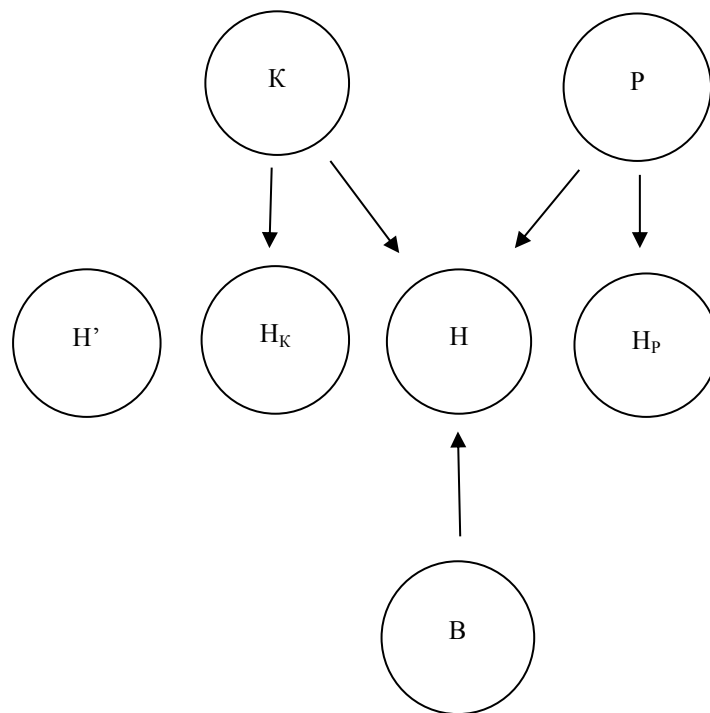

Рис. 2. Обобщенная схема взаимодействия социально-политических акторов в Иране

На рисунке приняты следующие обозначения:

– политические субъекты: К – «консерваторы», Р – «реформаторы», В – внешние акторы и обстоятельства;

– социальные группы: Н_к – твердые сторонники «консерваторов», Н_р – твердые сторонники «реформаторов», Н' – население, имеющее право голосовать, но не голосующее, как по принципиальным причинам, так и в силу полной политической пассивности, Н – избиратели, изменяющие свои политические предпочтения под влиянием внутренних и внешних обстоятельств и воздействий. Группа Н в разные электоральные периоды может усиливать как группу Н_к, так и группу Н_р.

2. Волнообразная динамика, изображенная на Рис. 1, имеет долгосрочный характер и охватывает десятилетия. В связи с этим на количественное соотношение сторонников «консерваторов» и

«реформаторов» в различные электоральные периоды может влиять не только изменение внешних факторов (например, те или иные внешнеполитические события), но и демографические процессы, приводящие к изменению состава избирателей. С одной стороны, пожилые избиратели постепенно уходят из жизни, с другой стороны, избирательные права получает подрастающее поколение. При этом, как показывает Табл. 1 Приложения, с 1980 г. по настоящее время количество избирателей в Иране (вследствие демографического роста населения страны) увеличилось практически в 3 раза. Влияние смены поколений на политические предпочтения избирателей является важным фактором, который надо учитывать при политическом анализе⁵. Эта тема еще ждет своих исследователей.

3. В заключение можно сделать вывод, что политическая система современного Ирана, несмотря на серьезные испытания как восьмилетней иракской агрессией, так и массовыми выступлениями 1999 и 2009 гг., остается весьма стабильной, и какое-либо резкое изменение режима в обозримом будущем очень маловероятно. Элита в виде правящего консервативного шиитского духовенства обеспечила себе безраздельное господство и такой политический порядок, при котором даже теоретически невозможно появление влиятельной контрэлиты, способной пошатнуть ее позиции. Имеющаяся контрэлита в виде реформаторов, появившаяся в конце 1990-х гг., имеет очень ограниченные возможности влияния на власть. Устойчивость режима связана как с высоким уровнем его религиозной легитимности, так и с очень мощными силовыми структурами, готовыми подавить любые протесты. Кроме того, режиму в социально-демографической сфере удалось добиться весьма существенных достижений, тем самым повысив свою легитимность в глазах части рядового населения. Несмотря на существенный рост оппозиционных и прозападных настроений в среде городской молодежи, которая выступает за резкую либерализацию политической системы и немедленное введение в стране всех политических и личных свобод, которые существуют на Западе, структурно-демографические факторы (резкое падение численности и доли молодых людей в населении) также способствуют стабилиза-

⁵ Этот фактор часто носит волнообразный характер (см., например, [Шлезингер 1992; Малков 2009]).

ции режима, снижая давление недовольной молодежи. К тому же, иранская оппозиция режиму организационно крайне слаба и не имеет ярких лидеров. Все же, начавшиеся в самое последнее время протесты против резкого повышения цен на бензин, которые сразу же перешли в протест против режима и привели к столкновениям с полицией и десяткам погибших (Росбалт 2019), а также недавние протесты 2017–2018 гг. (Иванов 2017), показывают, что достаточно заметное напряжение и недовольство в иранском обществе все же существует и может вылиться на поверхность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистические данные о результатах президентских и парламентских выборов в современном Иране

Табл. 1. Президентские выборы (1980–2017 гг.)

Выборы	Дата проведения	Обладали правом голоса, тыс. чел.	Приняли участие в голосовании	Процент участия в голосовании	Количество зарегистрировавшихся кандидатов	Количество утвержденных кандидатов
Первые	25.01.1980	20994	14153	67,41	124	96
Вторые	24.07.1981	22687	14572	64,24	71	4
Третьи	02.10.1981	22687	16848	74,26	46	5
Четвертые	16.08.1985	25994	14239	54,75	50	3
Пятые	28.07.1989	30140	16453	54,59	79	2
Шестые	11.06.1993	33156	16797	50,66	128	4
Седьмые	23.05.2001	36466	29146	79,92	238	4
Восьмые	08.06.2001	42170	28156	66,77	814	10
Девятые 1-й тур	17.06.2005	46786	29401	62,84	1014	8
Девятые 2-й тур	24.06.2005	46786	27959	59,76	2	2
Десятые	12.06.2009	46200	39371	84,83	476	4
Одиннадцатые	14.06.2013	50483	36822	72,94	686	8
Двенадцатые	19.05.2017	56410	41366	73,33	1636	6 (4) ⁶

Источник: Iran Data Portal 2019b.

⁶ Двое кандидатов после утверждения сняли свои кандидатуры.

Табл. 2. Парламентские выборы (с 1988 г.)

Выборы	Год проведения	Обладатели правом голоса, тыс. чел.	Приняли участие в голосовании	Процент участия в голосовании	Победившая коалиция	Число ее мандатов и процент
1	1988	27987	16714	59,82	Ассамблея борющегося духовенства (тогда – радикальные консерваторы)	160 – 59,3 %
2	1992	32466	18767	57,81	Общество борющегося духовенства (правые, консерваторы)	150 – 55,6 %
3	1996	34716	24682	71,1	Общество борющегося духовенства (правые, консерваторы)	110 – 40,7 %
4	2000	38726	26082	67,35	Фронт участия исламского Ирана (реформаторы)	216 – 74,5 %
5	2004	46351	23735	51,21	Коалиция созидателей (радикальные консерваторы)	196 – 67,58 %
6	2008	43826	24280	55,4	Объединенный фронт консерваторов (радикальные консерваторы)	195 – 67,2 %
7	2012	48293	30844	63,87	Объединенный фронт консерваторов (радикальные и умеренные консерваторы)	133 – 45,86 %
8	2016	54919	33957	61,83	Коалиция «Список надежды» (реформаторы)	119 – 41,03 %

Источник: Iran Data Portal 2019a.

Библиография

- Алиев А. А. 2002.** *Иран vs Ирак: история и современность*. М.: Издательство Московского университета.
- Васькин И. А. 2019.** Паттерны рекрутирования членов правительств Ирана (1989–2017 гг.): технократы или духовенство? *Восток* 5: 44–59.
- Дунаева Е. В. 2017.** Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности. *Религия и общество на Востоке* 1: 51–68.
- Иванов Е. А. 2017.** О подходах к прогнозированию социально-политической нестабильности в Иране. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротяев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. М.: Учитель. С. 203–218.

- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2014.** Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня* 9: 5–13.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2015.** Политическая география современного Египта. *Полис. Политические исследования* 2: 117–136.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Мещерина К. В. 2019.** К моделированию процессов социально-политической дестабилизации в Арабской Республике Египет (2010–2019 гг.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. М.: Учитель.
- Логинов Ю. В. 2017.** О сложностях внутривосточного процесса в Иране. *Институт Ближнего Востока* 30.10. URL: <http://www.iimes.ru/?p=38781>.
- Малков С. Ю. 2009.** *Социальная самоорганизация и исторический процесс. Возможности математического моделирования.* М.: Либроком.
- Мамедова Н. М. 2013.** Основные направления социально-экономической политики правительства Махмуда Ахмадинежада. *Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А. З. Арабаджяна* / Отв. ред. Н. М. Мамедова. М.: ИВ РАН/Центр стратегической конъюнктуры. С. 40–53.
- Мамедова Н. М. 2018.** Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 11(3): 152–165.
- Саркисян И. В. 2019.** Почему президент ИРИ Хасан Роухани требует особые полномочия? *Институт Ближнего Востока* 16.06. URL: <http://www.iimes.ru/?p=57108>.
- Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М. 2006.** *Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана).* М.: Городец.
- Филин Н. А. 2012.** *Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979–2018 гг.): факторы устойчивости государственной власти.* М.: РГГУ.
- Филин Н. А. 2014.** *Неудавшаяся революция цвета ислама: Причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране.* М.: Ленанд/URSS.
- Ходунов А. С. 2015.** Демографические факторы политической стабильности в Иране (вторая половина XX – начало XXI в.). *Историческая психология и социология истории* 8(1): 92–108.
- Хомейни Р. 1999.** *Путь к свободе: Речи и завещание.* М.: Палей-Мишин.
- Шлезингер А. М. (мл.). 1992.** *Циклы американской истории.* М.: Прогресс-академия.

- Arjomand S. A. 2000.** Civil Society and the Rule of Law in the Constitutional Politics of Iran under Khatami. *Social Research* 67(2): 283–301.
- Buchta W. 2000.** *Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic*. Washington: Washington Institute for Near Policy.
- Iran Data Portal. 2019a.** Parliamentary Elections. *Iran Data Portal*. URL: <http://irandataportal.syr.edu/parliamentary-elections>.
- Iran Data Portal. 2019b.** Presidential Elections. *Iran Data Portal*. URL: <http://irandataportal.syr.edu/presidential-elections>.
- Machlis E. 2016.** The Islamic Republic: A Bastion of Stability in the Region? *Middle East Critique* 25(4): 341–363.
- Richman A. 2010.** Post-Election Crackdown in Iran Has Had Limited Impact on the Minority Expressing Strong Opposition to the Regime. *World Public Opinion*. URL: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/feb10/Iranian_Public_Feb10_rpt.pdf.
- Tomita K. 2007.** Islamic Governance and Democracy: Intersection and Separation. *Journal of the Interdisciplinary Study of Monotheistic Religions* 3: 1–17.